

Две догмы эмпиризма

Уиллард Ван Орман Куайн
Willard Van Orman Quine

2000

В книге:

Куайн Уиллард Ван Орман

Слово и объект. Перевод с англ. М.: Логос, Праксис, 2000. 386 с.

Книга представляет собой первое опубликованное на русском языке издание избранных работ крупнейшего аналитического философа XX века Уилларда Ван Ормана Куайна. Публикуемая в данном издании основополагающая работа американского философа «Слово и объект» внесла огромный вклад в философию языка. Книга будет интересна не только для философов, но также и для лингвистов, психологов, специалистов в области когнитивных наук и всех, кто интересуется современной философией.

ISBN-5-8163-0024-5

Перевод выполнен Т. А. Дмитриевым по изданию: Quine W. V. From a Logical Point of View. New York: Harper, 1963, pp. 20–46.

Современный эмпиризм был в значительной степени обусловлен двумя догмами. Одна из них – это убеждение в наличии некоего фундаментального различия между истинами, которые являются *аналитическими*, или опирающимися исключительно на значения вне зависимости от положений дел, и истинами, которые являются *синтетическими*, или опирающимися на факты. Другая догма – это *редукционизм*; она представляет собой убеждение, что всякое осмысленное (*meaningful*) высказывание является эквивалентом какой-то логической конструкции, состоящей из терминов, отсылающих к непосредственному опыту. Обе догмы, как я буду утверждать, недостаточно обоснованы. Одно следствие отказа от них, как мы увидим, состоит в стирании предполагаемой границы между спекулятивной метафизикой и естественной наукой. Другое следствие – сдвиг к прагматизму.

1 Основание для аналитичности

Кантовское различие между аналитическими и синтетическими истинами было предвосхищено различием, проведенным Юмом между отношениями идей и положениями дел, и различием, проведенным Лейбницем между истинами разума и истинами факта. Лейбниц утверждал, что истины разума являются истинными во всех возможных мирах. Это означает, что истины разума таковы, что они не могут быть ложными. В том же духе аналитические высказывания определяются как высказывания, отрицание которых является самопротиворечивым. Однако это определение обладает не слишком большой объяснительной силой: поскольку понятие «самопротиворечивость», требующееся для подобного определения аналитичности, нуждается в прояснении не в меньшей степени, чем само понятие аналитичности. Эти два понятия – просто две стороны одной подозрительной монеты.

Кант считал аналитическим суждением такое суждение, которое приписывает своему субъекту то, что уже концептуально содержится в субъекте. Эта формулировка страдает двумя недостатками: она ограничивается суждениями субъектно-предикатной формы, и она прибегает к помощи понятия «включенности», которое остается метафорой. Однако замысел Канта, становящийся ясным скорее из того употребления, какое он отводит понятию аналитичности, чем из его определения этого понятия, можно переформулировать следующим образом: суждение является аналитическим в том случае, когда оно истинно в силу значения и независимо от фактов. Придерживаясь этой схемы, давайте рассмотрим понятие значения (*meaning*), которое предполагается в этом определении.

Следует помнить о том, что значение не следует отождествлять с именованием¹. Примеры «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда», приводимые Фреге, и примеры «Вальтер Скотт» и «автор *Уэверли*», приводимые Расселом, показывают, что термины могут именовать одну и ту же вещь, но при этом иметь разные значения. Различие между значением и именованием является не менее важным и на уровне абстрактных терминов. Термины «9» и «число планет» именуют одну и ту же абстрактную сущность, но их следует считать различными по своему значению; поскольку потребовались астрономические наблюдения, а не только размышления над значениями, чтобы определить тождественность той сущности, о которой идет речь.

Вышеприведенные примеры состоят из единичных терминов, абстрактных и конкретных. В том, что касается общих терминов, или предикатов, ситуация отчасти отличается, хотя при этом и наблюдается известный параллелизм. В то время как единичный термин нацелен на то, чтобы именовать сущность, абстрактную или конкретную, общий термин подобной направленности не имеет; однако общий термин является *истинным* относительно сущности, или относительно каждой сущности из некоего множества, либо в отношении ни одной сущности². Класс всех сущностей, в отношении которых является истинным общий термин, называется *объемом* термина. Теперь параллельно различию между значением сингулярного термина и именуемой сущностью мы должны провести соответствующее различие между значением общего термина и его объемом. Общие термины «живое существо, обладающее сердцем» и «живое существо, обладающее почками» совпадают по своему объему, но отличаются друг от друга по значению.

Смешение значения с объемом в случае общих терминов – вещь гораздо менее распространенная, чем смешение значения с именованием в случае единичных терминов. В философии уже стало общим местом противопоставление интенционала (или значения) экстенционалу, или, если выразиться другим языком, коннотации – денотации.

Аристотелевское понятие сущности было, вне всякого сомнения, предшественником современного понятия интенционала, или значения. Для Аристотеля сущностью человека было то, что он является рациональным существом, и напротив, было не существенно то, что он является двуногим существом. Однако существует одно важное различие между этим подходом и теорией значения. С точки зрения последней можно, конечно же, заключить, что рациональность включается в значение слова «человек», тогда как обладание двумя ногами исключается из него; одно-двуноговость можно в то же самое время считать включающейся в значение слова «двуногое», тогда как рациональность не включается в него. Таким образом, с точки зрения теории значения не имеет смысла говорить о каком-то реально существующем индивиде, являющемся одновременно человеком и двуногим живым существом, что его рациональность является существенной, а двуноговость – акцидентальной, и наоборот. Для Аристотеля вещи имеют сущность, но только лингвистические формы имеют значение. Значение – это то, чем становится сущность, когда ее разводят с предметом референции и отдают замуж за слово.

Для теории значения важной проблемой является природа ее объектов: какого рода вещами являются значения? Острая необходимость в подразумеваемых сущностях может возникнуть

¹См.: Quine W. From a Logical Point of View. Harvard University Press, 1961, p. 9.

²*Ibid.*, p. 10, 107–115.

из предшествующей неудачи понять, что значение и референция отличаются друг от друга. Коль скоро теория значения отделяется от теории референции, мы оказываемся уже на полпути к признанию того, что делом теории значения является синонимия лингвистических форм и аналитичность высказываний; сами же значения, как смутные опосредующие сущности, смело могут быть устранены³.

Мы снова оказываемся лицом к лицу с проблемой аналитичности. Высказывания, которые, по общему мнению философов, являются аналитическими, не так-то сложно обнаружить. Они разделяются на два класса. Высказывания первого класса, которые могут быть названы *логически истинными*, экзemplифицируются высказыванием:

(1) Ни один неженатый человек не женат.

Соответствующее свойство этого примера заключается в том, что данное высказывание не просто является истинным, но остается истинным при каких угодно интерпретациях слов «человек» и «женатый». Если мы предположим исходную опись *логических* частиц, охватывающую выражения «не», «если», «тогда» и т. д., то логической истиной будет высказывание, которое является истинным и остается истинным при всех интерпретациях его нелогических компонентов.

Есть, однако, и второй класс аналитических высказываний, представленный высказываниями типа:

(2) Ни один холостяк не женат.

Характерная черта таких высказываний заключается в том, что они могут быть превращены в логические истины путем замены синонимичного выражения синонимичным выражением; так, высказывание (2) может быть превращено в высказывание (1) путем замены выражения «холостяк» его синонимом «неженатый человек». Мы пока еще не располагаем надлежащей характеристикой этого второго класса аналитических высказываний и поэтому не располагаем и надлежащей характеристикой аналитичности как таковой, поскольку в вышеуказанном описании мы опирались на понятие «синонимии», которое заслуживает прояснения не в меньшей степени, чем понятие самой «аналитичности».

В последнее время Карнап стал склоняться к объяснению аналитичности при помощи того, что он называет описаниями состояния (*state-descriptions*)⁴. Описание состояния есть исчерпывающее приписывание истинностных значений атомарным, или несоставным, высказываниям языка. Все прочие высказывания языка строятся, как полагает Карнап, из этих элементарных компонентов при помощи известных логических средств таким образом, что истинностное значение любого сложного высказывания фиксируется для каждого описания состояния при помощи специфических логических законов. Высказывание объясняется как аналитическое, если оно оказывается истинным при любом описании состояния. Этот подход является адаптацией определения Лейбница «является истинным во всех возможных мирах». Заметьте, однако, что эта версия аналитичности выполняет свою роль только в том случае, если атомарные высказывания языка являются, в отличие от высказываний «Джон – холостяк» и «Джон женат», взаимно независимыми. В противном случае существовали бы описания состояния, которые приписывали бы истину высказыванию «Джон – холостяк» и «Джон женат», и, следовательно, высказывание «Ни один холостяк не женат» оказалось бы, согласно предложенному критерию, скорее синтетическим, нежели аналитическим. Таким образом, критерий аналитичности, сформулированный в терминах описаний состояния, работает исключительно

³См.: Quine W. V. *From a Logical Point of View*. Harvard University Press, 1961, p. 11 и далее, pp. 46 и далее.

⁴Carnap R. *Meaning and Necessity*. Chicago: University of Chicago Press, 1947, pp. 9 и далее; Carnap R. *Logical Foundations of Probability*. Chicago: University of Chicago Press, 1950, pp. 70 и далее.

для языков, свободных от экстралингвистических синонимичных пар, таких, как «холостяк» и «неженатый человек», – иными словами, от синонимичных пар того типа, которые, собственно говоря, и дают начало «второму классу» аналитических высказываний. Критерий, сформулированный в терминах описания состояния, является в лучшем случае реконструкцией логической истины, но не аналитичности.

При этом я далек от того, чтобы считать, что Карнап заблуждается на этот счет. Его упрощенная модель языка, основанная на понятии «описания состояния», нацелена в первую очередь не на разрешение общей проблемы аналитичности, но на другую цель – на прояснение проблемы вероятности и индукции. Нашей же проблемой является именно аналитичность; и здесь наибольшую трудность представляет не первый класс аналитических высказываний, логические истины, но скорее второй класс, зависящий от понятия синонимии.

2 Определение

Находятся люди, которые делают успокоительные заявления, что аналитические высказывания второго класса сводятся к аналитическим высказываниям первого класса, логическим истинам, посредством *определения*; к примеру, «холостяк» *определяется* как «неженатый человек». Однако откуда мы знаем, что «холостяк» определяется как «неженатый человек»? Кто определил это слово так и когда? Следует ли нам обратиться к ближайшему словарю и принять формулировку лексиколога в качестве закона? Ясно, что действовать подобным образом означало бы ставить телегу впереди лошади. Лексиколог является эмпирическим ученым, занимающимся фиксацией имеющихся фактов; и если он истолковывает «холостяка» как «неженатого человека», то это происходит в силу его веры в то, что существует отношение синонимии между этими формами, имплицитованное в общем или предпочтительном употреблении, априорном по отношению к его собственной деятельности. Предполагаемое в данном случае понятие синонимии все еще нуждается в прояснении, – по-видимому, в терминах, относящихся к лингвистическому поведению. Ясно, что «определение», которое является отчетом лексиколога о наблюдаемом поведении, не может считаться основанием синонимии.

Определение не является, конечно же, деятельностью, практикуемой исключительно филологами. Философы и ученые довольно часто имеют дело с «определением» неясных терминов путем перефразировки их в терминах более знакомого словаря. Однако обычно такие определения, как и определения филологов, являются чистой лексикологией, утверждающей отношение синонимии, предшествующее той ситуации, о которой идет речь.

Что значит утверждать синонимию, какие взаимосвязи могут быть необходимыми и достаточными для того, чтобы две лингвистические формы можно было описать как синонимичные – все это еще совсем неясно; однако, каковы бы ни были эти взаимосвязи, обычно они опираются на употребление. Определения, дающие отчеты об отдельных случаях синонимии, становятся поэтому отчетами об употреблении.

Имеется, однако же, отличный тип деятельности определения, который не ограничивается отчетом о предсуществующей синонимии. Я имею в виду то, что Карнап называет *экспликацией*, – деятельность, которой отдаются философы, да, впрочем, и ученые, в наиболее философские моменты их творчества. Целью экспликации является не простая перефразировка определяемого в правильный синоним, но исправление определяемого путем очищения или дополнения его значения. Но даже экспликация, хотя она и не является простым отчетом о предсуществующей синонимии между определяемым и определяющим выражениями, тем не менее опирается на *другие* предшествующие синонимии. Эту проблему можно сформулировать следующим образом. Всякое слово, требующее экспликации, обладает некоторыми контекстами, которые, как целые, являются достаточно ясными и точными для того, чтобы их использовать; и цель экспликации заключается в том, чтобы сохранить употребление этих привилегированных контекстов, обратив в то же самое время внимание на употребление других

контекстов. Для того, чтобы данное определение служило целям экспликации, не требуется, чтобы определяемое выражение в своем предшествующем употреблении было синонимичным с определяющим; необходимо только, чтобы каждый из этих привилегированных контекстов определяемого выражения, взятых как целое в его предшествующем употреблении, был синонимичен соответствующему контексту определяющего.

Два альтернативных определяющие выражения могут быть равным образом подходящими для целей данной задачи экспликации и в то же время не синонимичными друг другу; дело в том, что они могут использоваться взаимозаменяемым образом внутри привилегированных контекстов, но в то же самое время различаться в остальных. Выбирая скорее одно определяющее выражение, нежели другое, определение экспликативного вида производит такое отношение синонимии между определяемым и определяющим выражениями, которое не существовало ранее. Однако такое определение все еще обязано своей экспликативной функцией предшествующим синонимиям.

Остается, однако же, еще крайний случай определения, который вообще не обращается к предшествующим синонимиям, а именно эксплицитно конвенциональное введение новых способов записи для целей явного сокращения. В этом случае определяемое становится синонимичным с определяющим просто в силу того, что оно специально создается с той целью, чтобы быть синонимичным с определяемым. Тут мы имеем реально прозрачный случай синонимии, созданной определением; если бы этот случай синонимии был бы единственным, то все виды синонимии были бы столь же постижимыми. В остальном определение скорее опирается на синонимию, чем объясняет ее.

Слово «определение» приобрело опасно успокоительное звучание благодаря тому, что оно часто встречается в логических и математических произведениях. Поэтому мы поступим правильно, если уделим определенное внимание той роли, которую определение играет в формальных исследованиях.

В логических и математических системах может быть использован любой из двух взаимно противоположных типов экономии, причем каждый имеет свою своеобразную полезность. С одной стороны, мы можем стремиться к экономии практического выражения – к легкости и краткости при установлении разнообразных отношений. Этот вид экономии требует отчетливых кратких способов записи ради благополучия многообразия понятий. Во-вторых, и в противоположность первому подходу, мы можем искать экономии для грамматики и словаря; мы можем пытаться найти минимум основных понятий, таких, что, коль скоро для каждого из них был найден отчетливый способ записи, становится возможным выразить любое иное понятие путем простой комбинации и повторения наших основополагающих способов записи. Этот второй вид экономии является непрактичным в том отношении, что недостаток основополагающих идиом оборачивается чрезмерным удлинением дискурса. Однако она оказывается практичной в ином отношении: второй тип экономии в значительной мере упрощает теоретический дискурс о языке благодаря тому, что уменьшает количество терминов и форм конструкции, из которых состоит язык.

Оба вида экономии, хотя и являются *prima facie* несовместимыми друг с другом, являются ценными по отдельности. Вследствие этого появилась привычка комбинировать два вида экономии путем сохранения двух языков, один из которых становится частью другого. Язык, включающий в себя другой язык, хотя он и оказывается избыточным в отношении своей грамматики и словаря, является экономным в сообщении, в то время как язык, включенный в этот первый, называется примитивным способом записи и является экономным по своей грамматике и словарю. Целое и части соотносятся друг с другом при помощи правил перевода, благодаря которым каждая идиома, не встречающаяся в примитивном способе записи, приравнивается к некоторой сложной идиоме, построенной из примитивного способа записи. Эти правила перевода являются так называемыми *определениями*, встречающимися в формальных

языках. Их лучше считать не принадлежащими к какому-то одному языку, но взаимосвязями между двумя языками, один из которых является частью второго.

Однако подобного рода взаимосвязи отнюдь не произвольны. Они призваны показать, как примитивные способы записи способны достичь всех целей, стоящих перед избыточным языком, за исключением краткости и удобства. Следовательно, есть все основания ожидать, что во всех ситуациях определяемое и определяющее выражения будут связаны друг с другом каким-то одним из тех трех способов, которые я формулирую ниже. Во-первых, определяющее выражение может представлять собой точную перефразировку определяемого выражения в более краткий способ записи, сохраняющий непосредственную синонимию⁵ предшествующего употребления. Во-вторых, определяющее выражение может, в духе экспликации, улучшить предшествующее употребление определяемого выражения. Наконец, в-третьих, определяемое выражение может представлять собой впервые созданный способ записи, впервые наделенный значением здесь и теперь.

Таким образом, как в формальных, так и в неформальных исследованиях мы обнаруживаем, что определение – за исключением крайнего случая эксплицитно конвенционального введения новых способов записи – зависит от предшествующих отношений синонимии. Признавая, что понятие определения не дает нам ключа к синонимии и аналитичности, давайте оставим в покое определение и займемся синонимией.

3 Взаимозаменяемость

Естественное предположение, требующее тщательного исследования, состоит в том, что синонимия двух лингвистических форм заключается исключительно в их взаимозаменяемости во всех контекстах без изменения истинностного значения, т. е. во взаимозаменяемости, именуемой Лейбницем *salva veritate*⁶. Заметьте, что таким вот образом понятия синонимы не обязательно должны быть свободны от смутности, поскольку их смутности сочетаются между собой.

Однако не совсем верно, что синонимы «холостяк» и «неженатый человек» повсеместно взаимозаменяемы *salva veritate*. Истины, становящиеся ложными при замене выражения «неженатый человек» выражением «холостяк», не так-то сложно сконструировать при помощи таких выражений, как «бакалавр искусств» (*bachelor of arts*) или «лютики» (*bachelors buttons*) или с помощью цитаты, например:

«Холостяк» состоит из менее чем десяти букв.

Такие контрпримеры могут, однако, быть исключены посредством рассмотрения фраз «бакалавр искусств» и «лютики» и цитаты «холостяк» каждой как единого неделимого слова и выдвижения оговорки, согласно которой взаимозаменяемость *salva veritate*, которая должна быть краеугольным камнем синонимии, неприменима к отдельным элементам внутри слова. Это объяснение синонимии, коль скоро оно приемлемо на прочих основаниях, сталкивается с известным препятствием, поскольку оно обращается к априорному понятию «слово», которое может при своей формулировке встретиться с дальнейшими трудностями. Тем не менее можно предположить, что сведением проблемы синонимии к проблеме критерия бытия словом (*wordhood*) достигается известный прогресс. Давайте будем двигаться в этом направлении, приняв «слово» за нечто само собой разумеющееся.

⁵Согласно одному из важных смыслов слова «определение», сохраняемое отношение может быть более слабым отношением соответствия по своей референции; см.: *Quine W. V. From a Logical Point of View*, p. 132. Однако определение в этом смысле было бы лучше игнорировать в связи с темой нашего исследования, поскольку оно не имеет отношения к проблеме синонимии.

⁶Ср.: *Lewis C. I. A Survey of Symbolic Logic*. Berkeley, 1918, p. 373.

Остается вопрос, является ли взаимозаменяемость *salva veritate* (безотносительно к отдельным элементам внутри слова) достаточно строгим условием для синонимии или же, напротив, некоторые гетерономные выражения могли бы поддаваться подобного рода взаимной замене. Следует отдавать себе отчет в том, что мы не занимаемся в данном случае синонимией в смысле полной идентичности в отношении психологических ассоциаций или поэтического качества; ясно, что ни одно выражение не является синонимичным в этом смысле. Мы занимаемся только тем, что можно назвать *познавательной синонимией*. О том, что она собой представляет, нельзя ничего сказать, не завершив успешно данное исследование; однако мы все же кое-что знаем о ней из той потребности, что возникает в ней в связи с аналитичностью в § 1. Тот вид синонимии, что требуется в этом случае, состоит в том, что всякое аналитическое высказывание может быть превращено в логическую истину посредством замены синонима синонимом. Меняясь ролями и допуская аналитичность, мы можем объяснить познавательную синонимию терминов следующим образом (следуя при этом известному примеру): сказать, что термины «холостяк» и «неженатый человек» являются познавательно синонимичными, означает сказать всего-навсего то, что высказывание:

(3) Все холостяки и только холостяки суть неженатые люди –

является аналитическим⁷.

Нам требуется такое объяснение познавательной синонимии, которое не предполагало бы аналитичность – если, напротив, нам надо объяснить аналитичность при помощи познавательной синонимии, как предполагается в § 1. И конечно же, такое независимое объяснение познавательной синонимии и предполагается в данный момент подвергнуть рассмотрению, а именно повсеместную взаимозаменяемость *salva veritate* за исключением отдельных элементов слов. Вопрос, который стоит перед нами, заключается в том, действительно ли такая взаимозаменяемость является достаточным условием познавательной синонимии. Мы можем быстро уверить себя в этом при помощи примеров следующего вида. Высказывание:

(4) Необходимо, что все холостяки и только холостяки являются холостяками,

очевидно истинно, даже если предположить, что «необходимо» сконструировано так узко, что истинно применимо только к аналитическим высказываниям. Тогда, если «холостяк» и «неженатый человек» являются взаимозаменяемыми *salva veritate*, высказывание:

(5) Необходимо, что все холостяки и только холостяки являются неженатыми людьми,

полученное путем замены выражением «неженатый человек» выражения «холостяк» в высказывании (4), должно, как и высказывание (4), быть истинным. Однако сказать, что (5) является истинным, означает сказать, что (3) является аналитическим и, следовательно, что «холостяк» и «неженатый человек» являются познавательно синонимичными.

Давайте рассмотрим те особенности вышеуказанного аргумента, которые придают ему дух магической формулы. Условия взаимозаменяемости *salva veritate* варьируются по своей силе вместе с вариациями богатства того языка, с которым нам приходится иметь дело. Вы-

⁷Это – познавательная синонимия в исходном, широком смысле этого слова. Карнап (*Carnap R. Meaning and Necessity. Chicago: University of Chicago Press, 1947, pp. 56 и далее*) и Льюис (*Lewis C. I. An Analysis of Knowledge and Valuation. LaSalle, Ill.: Open Court, 1946, pp. 83 и далее*) выдвинули свои объяснения того, как, имея в распоряжении это исходное понятие, можно вывести из него более узкое понятие познавательной синонимии, более предпочтительное с точки зрения определенных целей. Однако это особенное следствие образования понятий не имеет отношения к теме наших рассуждений и не должно смешиваться с более широкой разновидностью познавательной синонимии, о которой в данном случае идет речь.

шеуказанный аргумент предполагает, что мы работаем с языком, достаточно богатым для того, чтобы содержать наречие «необходимо», причем это наречие сконструировано так, чтобы удовлетворять истине тогда и только тогда, когда оно применяется к аналитическому высказыванию. Но можем ли мы мириться с языком, который содержит такое наречие? Действительно ли это наречие имеет смысл? Предполагать, что оно имеет смысл, означает предполагать, что мы уже придали выражению «аналитический» какой-то определенный смысл. Но почему в таком случае мы с таким огромным трудом осуществляем наше исследование?

Наш аргумент не является явно циркулярным, но он явно близок к этому. Выражаясь фигурально, он имеет форму замкнутой кривой линии в пространстве.

Взаимозаменяемость *salva veritate* лишена смысла, пока она не поставлена в зависимость от языка, чья применимость определена в соответствующих отношениях. Предположим, что мы рассматриваем язык, который содержит следующие компоненты. В нем содержится бесконечно большой ряд одноместных предикатов (например, « F », где « Fx » означает, что x является человеком) и многоместных предикатов (например, « G », где « Gxy » означает, что x любит y), которые в основном имеют дело с экстралингвистическими обстоятельствами. Остальная часть языка является логической. Каждое атомарное предложение состоит из предиката, сопровождаемого одной или более переменными « x », « y », и так далее; а сложные предложения строятся из атомарных при помощи функции истинности («не», «и», «или» и так далее) и квантификации⁸. В результате такой язык получает пользу как от описаний, так и, конечно же, и от единичных терминов как таковых, которые определяются контекстуально известными способами⁹. Даже абстрактные единичные термины, именующие классы, классы классов и т. д., контекстуально определимы в случае наличия набора предикатов, включая двухместные предикаты принадлежности классу¹⁰. Такой язык может адекватно служить классической математике и, конечно же, научному дискурсу в целом, за исключением случаев, когда последний включает в себя контрфактические условные высказывания или модальные наречия типа «необходимо»¹¹. Таким образом, язык этого типа является экстенциональным; а два предиката, которые совпадают по объему (т. е. являются истинными в отношении одних и тех же объектов), являются взаимозаменяемыми *salva veritate*¹².

Поэтому в экстенциональном языке взаимозаменяемость *salva veritate* не гарантирует когнитивной синонимии требуемого типа. То, что выражения «холостяк» и «неженатый человек» являются взаимозаменяемыми *salva veritate* в экстенциональном языке, убеждает нас только в том, что (3) является истинным. Однако нет никаких гарантий того, что совпадение по объему выражений «холостяк» и «неженатый человек» опирается скорее на значение, нежели на какие-то случайные эмпирические обстоятельства, как это происходит в случае совпадения по объему выражений «существо, обладающее почками» и «существо, обладающее сердцем».

С точки зрения большинства целей совпадение выражений по объему в наибольшей степени приближается к синонимии, которая нам нужна. Однако остается тот факт, что совпадение по объему оказывается лишенным когнитивной синонимии того типа, что требуется для объяснения аналитичности в виде § 1. Тот вид когнитивной синонимии, который нам требуется, должен быть таким, чтобы он приравнивал синонимичность выражений «холостяк» и «неженатый человек» к аналитичности предложения (3), а не просто к его, то есть предложения (3), истинности.

Итак, нам следует признать, что взаимозаменяемость *salva veritate*, если конструировать ее относительно экстенционального языка, не является достаточным условием когнитивной

⁸В работе “From a Logical Point of View”, p. 81, содержится описание такого точно языка, за исключением разве что того, что в том языке имеется только один предикат, а именно, двухместный предикат «е».

⁹См.: Quine W. V. From a Logical Point of View, pp. 5–8; 85 и далее; 166 и далее.

¹⁰См.: Quine W. V. From a Logical Point of View, p. 87.

¹¹По поводу подобного рода требований см. также очерк VIII.

¹²В этом суть работы: Quine W. V. Mathematical Logic. New York: Norton, 1940.

синонимии в смысле, требуемом для выведения аналитичности тем способом, что был предложен в § 1. Если же язык содержит интенциональное наречие «необходимо» в том смысле, что был отмечен впоследствии, или же иные частицы подобного рода, то взаимозаменяемость *salva veritate* в таком языке и в самом деле обеспечивает достаточное условие когнитивной синонимии; но такой язык является мыслим лишь постольку, поскольку всегда уже заранее предполагается понятие аналитичности.

Попытка объяснить сперва когнитивную синонимию ради того, чтобы вывести аналитичность в том виде, как она была предложена в § 1, является, возможно, ошибочным подходом. Напротив, мы можем попробовать объяснить понятие «аналитичность», не прибегая к понятию когнитивной синонимии. Несомненно, что после этого мы могли бы при желании вывести познавательную синонимию из аналитичности. Мы видели, что когнитивная синонимия выражений «холостяк» и «неженатый человек» может быть объяснена как аналитичность (3). То же самое объяснение работает для любой пары одноместных предикатов, конечно, и оно может быть распространено на многоместные предикаты. Другие синтаксические категории также могут быть введены сходным образом. Можно сказать, что единичные термины являются когнитивно синонимичными, когда высказывание тождества, образованное посредством проставления « \Rightarrow » между ними, является аналитическим. Высказывания могут быть признаны познавательно синонимичными, когда двойное условное высказывание (*biconditional*), образованное из них при помощи выражения «тогда и только тогда», является аналитическим¹³. Если мы стремимся подвести все категории под одну формулировку, то используя понятие «слово», к которому мы уже обращались ранее в этом разделе, мы можем описать две лингвистические формы как когнитивно синонимичные, когда эти две формы являются взаимозаменяемыми (за исключением происходящего внутри «слов») *salva* (но не *veritate*, а *analyticitate*). Несомненно, что в этом случае возникают технические проблемы определенного рода, связанные, в частности, со случаями двусмысленности или омонимии; но давайте не будем на них задерживаться, поскольку мы и так уже отклонились от темы. Давайте лучше оставим в покое проблему синонимии и обратимся снова к проблеме аналитичности.

4 Семантические правила

Аналитичность на первый взгляд представлялась проще всего определимой путем обращения к царству значений. Выражаясь более изысканно, обращение к значениям открывает путь к обращению к синонимии или определению. Однако определение оказалось блуждающим огоньком; к тому же выяснилось, что лучшего понимания синонимии можно достичь только путем предваряющего обращения к самой аналитичности. Так что мы опять возвращаемся к проблеме аналитичности.

Я не знаю, является ли высказывание «Все зеленое – протяженно» аналитическим. Так вот – в самом ли деле моя нерешительность по отношению к вышеприведенному примеру выдает мое непонимание, мое неполное постижение значения слов «зеленый» и «протяженный»? Я думаю, что нет. Проблема заключается не в «зеленом» и не в «протяженном», она заключается в «аналитичном».

Часто указывают, что трудность отделения аналитических высказываний от синтетических в обыденном языке вызвана смутностью обыденного языка и что это различие является ясным, когда мы имеем точный искусственный язык с явно выраженными «семантическими правилами». Это, однако, как я надеюсь показать, является ошибкой.

То понятие аналитичности, о котором мы беспокоимся, есть некое отношение, которое, как предполагается, существует между высказываниями и языком; высказывание *S* считается

¹³Выражение «тогда и только тогда» понимается здесь в истинностно-функциональном ключе. См.: Carnap R. *Meaning and Necessity*. Chicago: University of Chicago Press, 1947, p. 14.

аналитическим для языка L , и проблема заключается в том, чтобы прояснить это отношение в общем, т. е. для переменных « S » и « L ». Сложность этой проблемы не в меньшей мере заметна в искусственных языках, чем в естественных. Проблема осмысления идиомы « S является аналитическим в языке L », с переменными « S » и « L », сохраняет свою неподатливость, даже если мы ограничиваем область переменных « L » искусственными языками. Позвольте мне теперь пояснить это обстоятельство.

Когда речь заходит об искусственных языках и семантических правилах, мы обычно обращаемся к работам Карнапа. Его семантические правила принимают различные формы, и для того, чтобы сформулировать свою идею, я должен различить некоторые из них. Для начала предположим искусственный язык L_0 , семантические правила которого имеют форму явного определения, рекурсивного или иного, всех аналитических высказываний языка L_0 . Правила утверждают, что определенные высказывания, и только они, являются аналитическими в языке L_0 . Проблема в этом случае состоит просто-напросто в том, что правила упоминают слово «аналитический», которое мы не понимаем! Мы понимаем, каким выражениям правила приписывают аналитичность, но не понимаем, что за свойство правила приписывают этим выражениям. Короче говоря, прежде чем мы поймем правило, которое начинается фразой «Высказывание S является аналитическим относительно языка L_0 тогда и только тогда...», мы должны понимать общий относительный термин «аналитический относительно»; мы должны понимать выражение « S является аналитическим относительно L », где « S » и « L » представляют собой переменные.

Мы можем действовать и противоположным образом и считать так называемое семантическое правило конвенциональным определением нового простого символа «аналитично относительно L_0 », которое лучше было бы нетенденциозно записать как « K » с тем, чтобы оно не раскрывало смысл интересующего нас слова «аналитический». Само собою понятно, что любое множество классов высказываний K , M , N и т.д. языка L_0 может быть специфицировано в различных целях либо же безотносительно к какой-то цели; но что означает утверждение, что K , в противоположность M , N и т.д., представляет собой класс «аналитических» высказываний языка L_0 ?

Утверждая, что высказывания являются аналитическими относительно языка L_0 , мы объясняем выражение «аналитический относительно языка L_0 », но не выражения «аналитический» или «аналитический относительно». Мы не приступаем к объяснению идиомы « S является аналитическим относительно L », содержащей переменные « S » и « L », даже если мы склонны ограничить диапазон « L » областью искусственных языков.

В действительности мы знаем достаточно относительно подразумеваемой значимости «аналитического» для того, чтобы отдавать себе отчет в том, что аналитические высказывания относятся к разряду истинных. Давайте поэтому обратимся ко второй форме семантического правила, которая утверждает не аналитический характер высказываний, а их истинность. Это правило защищено от критики постольку, поскольку оно не содержит непонятное слово «аналитический»; одновременно для простоты аргумента мы можем признать, что более широкий термин «истинный» не встречается с затруднениями. Семантическое правило этого второго типа, правило истинности, не нацелено на то, чтобы выделять все истины языка; оно просто обуславливает, рекурсивно или каким-либо иным образом, определенное множество высказываний, которые, наряду с другими неспецифицированными высказываниями, мы должны считать истинными. Такое правило может считаться достаточно прозрачным. Поэтому в производном смысле аналитичность может быть выделена следующим образом: высказывание аналитично, если оно является не просто истинным, но истинным согласно семантическому правилу.

На самом деле тут нет никакого продвижения вперед. Вместо того, чтобы обращаться к необъясненному слову «аналитический», мы теперь обращаемся к необъясненной фразе «семантическое правило». Не всякое истинное высказывание, которое утверждает, что высказы-

вания некоторого класса являются истинными, может считаться семантическим правилом – в противном случае все истины были бы «аналитическими» в том смысле, что они были бы истинными согласно семантическим правилам. Очевидно, что семантические правила различимы только благодаря факту своего появления на странице под заголовком «Семантические правила», и сам этот заголовок поэтому лишен всякого смысла.

Конечно же, мы можем сказать, что высказывание является *аналитическим относительно* L_0 тогда и только тогда, когда оно является истинным в соответствии с определенными специально введенными «семантическими правилами», но в результате мы оказываемся отброшенными к ситуации, которую обсуждали с самого начала: «Высказывание S является аналитическим относительно языка L_0 тогда и только тогда...». Если же мы пытаемся объяснить фразу «Высказывание S является аналитическим относительно языка L » как таковую для переменной « L » (даже при условии, что диапазон « L » ограничивается искусственными языками), то объяснение фразы «истинно согласно семантическому правилу L » оказывается недостижимым для нас, поскольку относительный термин «семантическое правило чего-либо» столь же нуждается в прояснении, как и термин «является аналитическим относительно».

Поучительно сопоставить понятие семантического правила с понятием постулата. В отношении данного множества постулатов нетрудно сказать, что собой представляет постулат: он является членом множества. В отношении данного множества семантических правил равным образом нетрудно сказать, что собой представляет семантическое правило. Но если рассматривать символику, математическую или иную, сколь угодно тщательно, с точки зрения перевода условий истинности его высказываний, то кто может сказать, какие из ее истинных высказываний следует считать постулатами? Само собою понятно, что вопрос этот не имеет смысла – точно так же, как лишен смысла вопрос о том, какие точки в Огайо являются начальными. Любое конечное (или эффективно выбранное бесконечное) множество высказываний (желательно истинных) является множеством постулатов в *той же степени*, что и любое другое. Слово «постулат» имеет значение только применительно к акту исследования; мы применяем это слово к множеству высказываний лишь постольку, поскольку нам случилось, на год или на данный момент, мыслить эти высказывания в их отношении к высказываниям, которые могут быть получены из первых при помощи ряда трансформаций, к которым приковано наше внимание. Итак, понятие семантического правила столь же осязаемо и наделено смыслом, сколь и понятие постулата, если только оно мыслится нами в том же самом относительном ключе – относительном в данном случае применительно к тому или иному отдельному предприятию, нацеленному на обучение необученных людей в подходящих условиях к истинности высказываний некоторого естественного или искусственного языка L . Однако с этой точки зрения ни одно выделение подкласса истин языка L не является по существу своему в большей степени семантическим правилом, нежели иное; и если «аналитический» означает «истинный в силу семантических правил», ни одно истинное высказывание языка L не является аналитическим в большей степени, чем иное¹⁴.

На это можно было бы возразить, что искусственный язык L , в отличие от естественного, представляет собой язык в обычном смысле этого слова *плюс* ряд семантических правил – и вместе они образуют, скажем так, упорядоченную пару; соответственно, можно было бы сказать, что семантические правила языка L поддаются выделению в качестве второго компонента пары, составляющей L . Но, выражаясь теми же самыми словами еще проще, мы можем истолковать искусственный язык L с самого начала как упорядоченную пару, чьим вторым компонентом является класс аналитических высказываний; и тогда аналитические высказывания языка L поддаются выделению просто как высказывания, входящие во второй компонент L . Или даже лучше, мы могли бы просто прекратить попытки пробиться без посторонней помощи.

¹⁴Предыдущий параграф не был частью данного очерка в его первоначальном виде. Он был подсказан мне Мартином, равно как и завершающий раздел очерка 7.

Отнюдь не все объяснения аналитичности, известные Карнапу и его читателям, были приняты во внимание в вышеизложенных размышлениях, однако нетрудно распространить их и на другие формулировки этого понятия. Надо упомянуть только один дополнительный фактор, который периодически играет важную роль: иногда семантические правила являются в действительности правилами перевода на обыденный язык, и в этом случае аналитические высказывания искусственного языка считаются таковыми в силу аналитичности их переводов в обыденном языке. Понятно, что со стороны искусственного языка нельзя ожидать устранения проблемы аналитичности.

С точки зрения проблемы аналитичности понятие искусственного языка, снабженного семантическими правилами, является *feu follet par excellence*. Семантические правила, определяющие аналитические высказывания искусственного языка, представляют интерес лишь постольку, поскольку мы уже понимаем понятие аналитичности; они не в состоянии помочь нам добиться этого понимания.

Обращение к гипотетическим искусственным языкам, обладающим относительно простой структурой, могло бы, по всей видимости, быть полезным при прояснении аналитичности, если бы ментальные, или поведенческие, или культурные факторы, связанные с аналитичностью – какими бы они ни были – были бы в общих чертах описаны в этой упрощенной модели. Однако модель языка, в котором аналитичность рассматривается просто как определенное, ни к чему не сводимое свойство, не в состоянии поспособствовать нам в экспликации аналитичности.

Само собою понятно, что истина как таковая зависит как от языка, так и от экстралингвистических фактов. Высказывание «Брут убил Цезаря» было бы ложным, если бы мир был иным в определенных отношениях; но оно было бы ложным и в том случае, если бы слово «убил» обладало бы скорее значением «породил». Поэтому появляется склонность предположить, что истинность высказывания можно каким-то образом разделить на лингвистический компонент и фактический компонент. Коль скоро дано это предположение, разумно было бы предложить, что в некоторых высказываниях фактический компонент сведен к нулю; это и будут аналитические высказывания. Но, при всей ее априорной разумности, граница между аналитическими и синтетическими высказываниями просто не была проведена. То, что подобного рода различие вообще должно быть проведено, есть неэмпирическая догма эмпириков, метафизический символ веры.

5 Верификационистская теория и редукционизм

В ходе этих безрадостных размышлений мы смутно рассмотрели сперва понятие значения, затем понятие когнитивной синонимии и, наконец, понятие аналитичности. Но как, могут спросить, обстоит дело с верификационистской теорией значения? Эта фраза столь прочно заняла место лозунга эмпиризма, что мы не были бы людьми научного склада, если бы не попробовали отыскать в ней ключ к проблеме значения, а также к родственным проблемам.

Верификационистская теория значения, которая получила распространение в философской литературе со времен Пирса, утверждает, что значение высказывания есть метод его эмпирического подтверждения или неподтверждения. Аналитическое высказывание представляет собой такой предельный случай, который подтверждается чем угодно.

Как я утверждал в § 1, мы можем отложить в сторону проблему значений как сущностей и сразу перейти к проблеме сходства (*sameness*) значения, или синонимии. В этом случае верификационистская теория утверждает, что высказывания являются синонимичными, если и только если они сходны с точки зрения метода их эмпирического подтверждения или неподтверждения.

Это объяснение относится не к когнитивной синонимии лингвистических форм как таковых, но к когнитивной синонимии высказываний¹⁵. Тем не менее мы могли бы при помощи рассуждений, сходных с рассуждениями, встречающимися в конце § 3, вывести из понятия синонимии высказываний понятие синонимии для других лингвистических форм. Допуская понятие «слово», мы могли объяснить две любые формы как синонимичные, когда подстановка одной формы на место вхождения другой в любом высказывании (исключая вхождения внутри самих «слов») дает синонимичное высказывание. Наконец, если дано понятие синонимии для лингвистических форм как таковых, мы могли бы определить аналитичность в терминах синонимии и логической истины, как в § 1. В этом отношении мы могли бы определить аналитичность еще проще в терминах синонимии высказываний вместе с логической истиной; нет необходимости обращаться к синонимии каких-то иных лингвистических форм, кроме высказываний. Ибо высказывание может быть описано как аналитическое в том случае, если оно синонимично логически истинному высказыванию.

Итак, если верификационистская теория может быть принята в качестве адекватного объяснения синонимии высказываний, понятие аналитичности сохраняется. Однако давайте поразмыслим. Мы утверждали, что синонимия высказываний есть сходство метода эмпирического подтверждения или неподтверждения. Что это за методы, которые сравниваются в отношении их сходства? Какова, иными словами, природа отношения между высказыванием и опытами, которые говорят за или против его подтверждения?

Самым простым объяснением этого отношения является точка зрения непосредственного отчета. Это – *радикальный редукционизм*. Всякое осмысленное высказывание считается переводимым в высказывание (истинное или ложное), касающееся непосредственного опыта. Радикальный редукционизм в той или иной своей форме предшествует так называемой верификационистской теории значения. Так, Локк и Юм считают, что всякая идея должна или непосредственно возникать из чувственного опыта, или же быть составленной из идей, таким вот образом возникших; следуя указаниям Тука, мы могли бы перефразировать эту доктрину на семантическом жаргоне, указав, что для того, чтобы быть значимым, термин должен либо быть именем чувственных данных, либо должен быть составлен из таких имен, либо должен быть аббревиатурой для такого составного имени. Будучи сформулирована подобным образом, эта доктрина остается двусмысленной в силу того, что чувственно данными считаются как чувственные события, так и чувственные качества; она остается двусмысленной и в отношении приемлемых способов составления [сложных имен из простых]. Более того, эта доктрина не является необходимой и терпимой в силу той ограниченной – термин за термином – процедуры редукции, которую она предполагает. Более разумно, и притом не выходя за границы радикального редукционизма, было бы предположить, что нам следует рассматривать высказывание в целом в качестве значимой единицы – что предусматривает, что наши высказывания как отдельные единицы переводимы на язык чувственных данных, хотя они и непереводимы термин за термином.

Это улучшение, несомненно, приветствовалось бы Локком, Юмом и Туком, но исторически оно должно было дожидаться важной смены ориентации в рамках семантики, в результате которой первичным носителем значения стали считать не термин, а высказывание. Эта переориентация, ясно дающая о себе знать у Фреге¹⁶, лежит в основании расселовского понятия

¹⁵Эта доктрина, конечно же, может быть сформулирована применительно к терминам, а не к высказываниям в качестве единиц анализа. Так, Льюис описывает значение термина как «*критерий, находящийся в уме*, благодаря обращению к которому человек способен применить или же отказаться от применения соответствующего выражения в случае, когда имеются данные, или же воображаемые, вещи или ситуации» (*Lewis C. I. An Analysis of Knowledge and Valuation. La Salle: Open Court, 1946, p. 133*). По поводу убедительного объяснения злословных верификационистской теории значения, правда, скорее в связи с проблемой осмысленности, нежели чем с проблемами синонимии и аналитичности, см. Гемпеля (*Hempel C. G. Problems and Changes in the Empiricist Criterion of Meaning // Revue Internationale de Philosophie, №4, 1950, pp. 41–63*).

¹⁶*Frege G. Foundations of Arithmetic. New York: Philosophical Library, 1950, § 60.*

неполных символов, определяемых в употреблении¹⁷; она также неявно предполагается верификационистской теорией значения, поскольку объектами верификации являются высказывания.

Радикальный редукционизм, который теперь имеет дело с высказываниями как единицами анализа, ставит перед собой задачу выделения языка чувственных данных и показа того, как предложение за предложением перенести на него остальную часть научного дискурса. Карнап реализует этот проект в «Aufbau».

Язык, который Карнап принимает в качестве исходного, не был языком чувственных данных в его узком смысле, поскольку он включал в себя также логические символы, вплоть до теории множеств. В действительности он включал в себя весь язык высшей математики в целом. Заключение в нем онтология (т. е. область значения его переменных) охватывала не только чувственные события, но и классы, классы классов и так далее. Эмпириками были те, кто в испуге останавливался перед такой щедростью. Исходный пункт Карнапа был, однако, довольно экономным в том, что касалось его не-логической или чувственной части. В серии конструкций, при построении которых Карнап с большой изобретательностью использовал ресурсы современной логики, он преуспел в определении большого ряда важных дополнительных чувственных понятий, которые, если бы они не служили целям его конструкций, вряд ли можно было бы вообразить определяемыми на такой скудной основе. Карнап был первым эмпириком, который, не довольствуясь идеей сводимости науки к терминам непосредственного опыта, предпринял серьезные шаги для осуществления такой редукции.

Даже если исходный пункт Карнапа является удовлетворительным, то тем не менее его конструкции были, как он сам указывал, только отдельным фрагментом всей программы в целом. Конструкция даже простейших высказываний о физическом мире остается у него схематическим наброском. Тем не менее соображения Карнапа по этому поводу, несмотря на их схематичность, были весьма ценными. Он объяснил пространственно-временные точки-моменты как четверки действительных чисел и предусмотрел приписывание чувственных качеств точкам-моментам в соответствии с определенными правилами. Если обобщить эту позицию, то план заключался в том, чтобы приписывать чувственные качества точкам-мгновениям таким способом, чтобы получить [описание] мира, сравнимое с нашим опытом. Принцип минимального действия должен был быть нашим руководителем в конструировании мира из опыта.

Тем не менее Карнап, по-видимому, не признавал, что его размышление о физических объектах не позволяет осуществить редукцию не в силу своей схематичности, а в принципе. Высказывания формы «качество q в точке-мгновении $x; y; z; t$ » должны были, согласно его правилам, получить истинностные значения с тем, чтобы максимизировать и минимизировать определенные избыточные свойства, и с ростом опыта истинностные значения должны были бы прогрессивно пересматриваться в том же самом духе. Я думаю, что это правильное (хотя и чрезмерно упрощенное) описание научного исследования, однако оно не дает нам никаких указаний относительно того, как высказывание формы «качество q в точке-мгновении $x; y; z; t$ » могло бы быть переведено в исходный карнаповский язык чувственных данных и логики. Связка «находится в» является дополнительной неопределенной связкой; правила рекомендуют нам, как ее использовать, но не как ее устранить.

Впоследствии Карнап, как кажется, оценил это обстоятельство; поскольку в его поздних работах он отрицает все понятия переводимости высказываний о физическом мире в высказывания о непосредственном опыте. Редукционизм в его радикальной форме больше уже не встречается в философии Карнапа.

Однако догма редукционизма продолжала, хотя и в более утонченной форме, оказывать влияние на мышление эмпириков. Понятие утверждало, что со всяким высказыванием, или со всяким синтетическим высказыванием, ассоциируется однозначный ряд возможных чувственных данных (*event*), таких, что появление (*occurrence*) любого из них будет вносить вклад в

¹⁷См.: Quine W. V. From a Logical Point of View. New York: Harper, 1963, p. 6.

оценку данного высказывания как истинного, и что с ним ассоциируется также другой однозначный ряд возможных чувственных данных, таких, что событие любого из них будет вносить вклад в противоположную оценку данного высказывания. Это понятие в действительности скрыто подразумевается в верификационистской теории значения.

Догма редукционизма возрождается в предположении, что любое высказывание, взятое в изоляции от своих соседей, вообще может подтверждаться или не подтверждаться. Мое противоположное предположение, вытекающее, по существу, из учения Карнапа о физическом мире в «Aufbau», заключается в том, что наши высказывания о внешнем мире сталкиваются с трибуналом чувственного опыта не поодиночке, но исключительно в виде связного целого¹⁸.

Догма редукционизма, даже в ее ослабленной форме, тесно связана с другой догмой, согласно которой существует различие между аналитическим и синтетическим. Таким образом, через верификационистскую теорию значения мы пришли от второй проблемы к первой. Говоря точнее, одна догма поддерживает другую следующим образом: если считается значимым говорить о подтверждении или неподтверждении отдельного высказывания чувственным опытом, то вполне осмысленно говорить также о предельном случае высказывания, которое подтверждается *ipso facto*¹⁹ чем угодно; и такое высказывание является аналитическим.

В действительности обе догмы являются тождественными. Мы выяснили, что в общем и целом истинность высказываний зависит как от опыта, так и от экстралингвистических фактов; и мы отметили, что это обстоятельство в свою очередь приводит к тому, что истинна высказывания может быть разложена на два компонента: на лингвистический компонент и фактический компонент. Фактический компонент должен, если мы являемся эмпириками, сводиться к ряду подтверждающих опытов. В предельном случае, когда лингвистический компонент составляет все содержание высказывания, истинное высказывание является аналитическим. Но я надеюсь, что теперь мы находимся под сильным впечатлением того, насколько упорно различие между аналитическим и синтетическим сопротивлялось какому-либо прямому очерчиванию. Кроме того, я впечатлен также и тем, вне зависимости от заранее приготовленных экземпляров черных и белых шаров, находящихся в урне, сколь трудной всегда была проблема выработки теории эмпирического подтверждения синтетического высказывания. Мое нынешнее предположение заключается в том, что это бессмыслица и источник еще большей бессмыслицы – говорить о лингвистической компоненте и фактической компоненте в истине каждого отдельного предложения. Взятая в целом, наука испытывает эту двойную зависимость от языка и опыта; однако эта двойственность не может быть осмысленно прослежена до высказываний науки, взятых по отдельности.

Идея определения символа в употреблении была попыткой разрешить проблему невозможности эмпиризма Локка и Юма, основанного на редукции, осуществляемой термин за термином. После Фреге уже скорее высказывание, чем термин, стало признаваться значимой единицей, подлежащей эмпирической критике. Однако в настоящее время я утверждаю, что, даже принимая в качестве единицы высказывание, мы проводим координатную сетку слишком робко. Единицей эмпирической значимости (*significance*) является вся наука в целом.

6 Эмпиризм без догм

Вся совокупность нашего так называемого знания или убеждений, начиная с не поддающихся обобщению фактов географии и истории и заканчивая основополагающими законами атомной физики и даже чистой математики и логики, есть человеческая конструкция, которая

¹⁸Эта доктрина отстаивалась Дюэмом (*Duhem P. La Théorie physique: son objet et sa structure. Paris, 1906, pp. 303–328*). Или же см.: Ловингера (*Lowinger A. The Methodology of Pierre Duhem. New York: Columbia University Press, 1941, pp. 132–140*).

¹⁹Тем самым (*лат.*).

соприкасается с опытом только по краям. Или, выражаясь по-иному, наука в целом подобна силовому полю, пограничными условиями которого является опыт. Конфликт с опытом на периферии вызывает перестройку внутри самого поля. Приходится перераспределить истинностное значение некоторых наших высказываний. Переоценка одних высказываний влечет за собой переоценку других в силу их логических взаимосвязей – логические законы оказываются, в свою очередь, просто определенными высказываниями системы, некоторыми элементами поля. Подвергнув переоценке одно высказывание, мы оказываемся вынужденными подвергнуть переоценке и целый ряд других, которые могут быть как высказываниями, логически связанными с первым высказыванием, так и высказываниями о самих логических взаимосвязях. Но поле в целом так определено в основе его пограничными условиями, опытом, что существует довольно широкий выбор в отношении того, какие высказывания подлежат переоценке в свете любого отдельного противоречивого опыта. Никакой отдельный опыт не связан с какими-либо отдельными высказываниями внутри поля иначе, нежели косвенно, благодаря соображениям равновесия, воздействующего на поле как целое.

Если эта точка зрения верна, то ошибочно говорить об эмпирическом содержании отдельного высказывания – в особенности если это высказывание, вообще отдаленное от опытной периферии поля. Более того, глупо искать границу между синтетическими высказываниями, истинность которых случайно обусловлена обстоятельствами, зависящими от опыта, и аналитическими высказываниями, которые истинны при любых обстоятельствах. Всякое высказывание может считаться истинным при любых обстоятельствах, если мы производим достаточно радикальные изменения где-то в системе. Даже высказывание, находящееся в непосредственной близости к периферии, может считаться истинным перед лицом противоречивого опыта – путем ссылки на галлюцинации или путем исправления высказываний определенного вида, именуемых логическими законами. И наоборот, ни одно высказывание не гарантировано от исправления. Исправление даже логического закона исключенного третьего было предложено в качестве средства упрощения квантовой механики; и какая принципиальная разница существует между этим поворотом событий и таким поворотом событий, когда Кеплер вытеснил Птолемея, или Эйнштейн – Ньютона, или Дарвин – Аристотеля.

Ради живости я рассуждал, используя термины изменяющихся расстояний от чувственной периферии. Позвольте мне теперь прояснить это понятие, не обращаясь к метафоре. Некоторые высказывания, хотя они и являются высказываниями о физических объектах, а не о чувственном опыте, выглядят особенно относящимися к чувственному опыту – причем избирательным образом: одни высказывания – к одним опытам, другие – к другим. Такие высказывания, в особенности относящиеся к отдельным чувственным опытам, я описываю как близкие к периферии. Однако под этим отношением «отнесенности» я имею в виду не более чем свободную ассоциацию, отражающую на практике относительную предпочтительность отбора нами скорее одного высказывания, чем другого, для исправления в случае противоречащего опыта. Например, мы можем обнаружить противоречивые опыты, с которыми мы, ясное дело, будем склонны согласовать нашу систему путем переоценки именно высказывания, что существуют каменные дома на Элм-стрит, вместе с другими высказываниями, относящимися в данной проблеме. Мы можем также вообразить другие противоречивые опыты, с которыми мы будем склонны согласовать нашу систему путем переоценки именно высказывания, что кентавров не существует, наряду с родственными высказываниями. Я утверждал, что противоречивый опыт может быть согласован путем любой из различных альтернативных переоценок в различных альтернативных частях всей системы в целом; однако в тех случаях, которые мы воображаем себе в данный момент, наша естественная тенденция затрагивать всю систему в целом как можно меньше приведет нас к тому, что мы сосредоточим наши исправления на специфических высказываниях, касающихся каменных домов на Элм-стрит и кентавров. Эти высказывания поэтому выглядят обладающими более четко выраженной эмпирической референцией, чем более теоретические высказывания физики, или логики, или онтологии. Эти

последние высказывания могут считаться находящимися приблизительно в центре всей сети в целом; это значит только то, что они имеют мало предпочтительной связи с какими-либо чувственными данными.

Как эмпирик, я продолжаю считать концептуальную схему науки инструментом для предсказания будущего опыта в свете прошлого опыта. Физические объекты концептуально вводятся в ситуацию как удобные посредники, причем не путем их объяснения в терминах опыта, но просто как несводимые постулируемые сущности (posits)²⁰, эпистемологически сопоставимые с богами Гомера. Что касается меня, то я, как правоверный физик, верю в физические объекты, а не в гомеровских богов, поскольку было бы научной ошибкой думать иначе. Но с точки зрения эпистемологии физические объекты и боги Гомера отличаются только по степени, а не в принципе. Оба типа сущностей входят в наше познание только как культурные постулируемые сущности. Миф о физических объектах эпистемологически превосходит большинство других мифов в том отношении, что он оказался более эффективным, чем другие мифы, в качестве устройства для выработки поддающейся управлению структуры потока опыта.

Постулирование не ограничивается уровнем макроскопических физических объектов. Объекты на атомном уровне постулируются для того, чтобы сделать законы макроскопических объектов, а в конечном счете и законы опыта, более простыми и более измеримыми; и нам нужно ожидать или требовать полного определения атомных и субатомных сущностей в терминах макроскопических сущностей не в большей степени, чем требовать определения макроскопических вещей в терминах чувственных данных. Наука является продолжением здравого смысла, и она продолжает его в смысле целесообразного увеличения онтологии для упрощения теории.

Физические объекты, большие и малые, не являются единственными постулированными сущностями; и теперь мы знаем, что граница между энергией и материей является устаревшей. Более того, абстрактные сущности, которые являются субстанцией математики, – классы, классы классов и так далее – являются другими постулированными сущностями в том же самом духе. Эпистемологически они являются мифами того же уровня, что и физические объекты и боги, не лучше, и не хуже, за исключением различий в той степени, в которой они упрощают наши контакты с чувственным опытом.

Алгебра рациональных и иррациональных чисел в целом недоопределена алгеброй рациональных чисел, но является более однородной и удобной; и она включает в себя алгебру рациональных чисел в качестве структурированной части²¹. Вся наука в целом, математическая, естественная и гуманитарная, сходным образом, хотя и в большей степени недоопределена опытом. Края системы должны согласовываться с опытом; целью же всей остальной части системы, со всеми ее тщательно разработанными мифами и фикциями, является простота законов.

Согласно этой точке зрения, онтологические вопросы находятся на одном уровне с вопросами естественной науки²². Рассмотрим вопрос, считать ли нам классы сущностями. Это, как я утверждал в другом месте, вопрос о том, проводить ли квантификацию относительно таких переменных, которые имеют своими значениями классы. Со своей стороны, Карнап²³ считал, что это вопрос не о факте, но о выборе подходящей языковой формы, подходящей концептуальной схеме или каркаса науки. Я согласен с этим, но только с тем добавлением, что то же самое верно и в отношении научных гипотез вообще. Карнап²⁴ признал, что он в состоянии сохранить двойной стандарт для онтологических вопросов и научных гипотез, только

²⁰ *Quine W. V. From the Logical Point of View. New York: Harper, 1963, p. 17 и далее.*

²¹ *Quine W. V. From a Logical Point of View. New York: Harper, 1963, p. 18.*

²² «L'ontologie fait corps avec la science elle-meme et ne peut en ere separee» (*Meyerson E. Identite et realite. Paris, 1908; 4th ed., 1932, p. 439*).

²³ *Carnap R. Empiricism, semantics and ontology // Revue international de philosophie, № 4, 1950, pp. 20–40.*

²⁴ *Ibid.*, p. 32, сноска.

допуская абсолютное различие между аналитическим и синтетическим; мне нет необходимости повторять, что это то самое различие, которое я отвергаю²⁵.

Вопросы о том, существуют ли классы, выглядят по большей части вопросами удобной концептуальной схемы; вопросы о том, существуют ли кентавры или каменные дома на Элм-стрит, выглядят скорее как вопросы факта. Однако я утверждал, что это различие является различием только по степени и что оно зависит от нашей смутно прагматической склонности приводить скорее одну, чем другую, нить конструкции науки в соответствие с каким-то отдельным противоречивым опытом. В таких выборах важную роль играет консерватизм, равно как и поиск простоты.

Карнап, Льюис и другие принимают прагматическую точку зрения на вопрос о выборе между лингвистическими формами, научными каркасами; но их прагматизм останавливается перед воображаемой границей между аналитическим и синтетическим. Отказываясь признавать такую границу, я поддерживаю более последовательный прагматизм. Всякий человек обладает научным наследием плюс непрерывным потоком чувственной стимуляции; и те размышления, что руководят им при приспособлении его научного наследия, чтобы оно соответствовало непрерывным чувственным стимуляциям, являются, коль скоро они рациональны, прагматическими.

OCR: Александр Гребеньков, greb@kursknet.ru

²⁵По поводу других убедительных сомнений по поводу этого различия см. Уайта (*White M. The analytic and the synthetic: an untenable dualism // Hook S. (ed.), John Dewey: Philosopher of Science and Freedom. New York: Dial Press, 1950, pp. 316–330*).